

НАСТЯ ВЕСНА

12

ЛИШНИХ ДНЕЙ

Настя Весна

12 лишних дней

<https://litres.ru/73995256>

SelfPub; 2026

Аннотация

Здесь плохо ловит связь, чтут традиции и не любят чужаков.

А ещё стараются не ходить в тайгу поодиночке. Особенно после наступления темноты. Особенно в сторону заброшенного пионерлагеря.

На осенних каникулах Родион приезжает в тихий посёлок на берегу Ладоги. Его мать одержима идеей построить здесь современный глэмпинг, а сам он мается от безделья, отсутствия интернета и посмеивается над местными суевериями.

Пока однажды ночью по его вине в лесу не пропадает маленькая девочка...

Якоайка — время безвременья. Время, когда оживают древние легенды. Когда стирается грань между миром живых и миром мертвых, и то, что годами скрывалось в глубине леса, выбирается наружу.

Время платить по счетам.

Якоайка — двенадцать дней, которых не должно быть.

Содержание

Пролог	4
День первый. Часть 1	11
День первый. Часть 2	29
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Настя Весна 12 лишних дней

Пролог

21 июня 1987

Валька летел, не разбирая дороги. Кеды проваливались в

рыхлый мох, скользили по прошлогоднему опадку, норовили зацепиться за корягу, ухнуть в студёный ручей. Мимо проносились бурые стволы сосен, ели в темно-зеленом бархате, белесые свечки берез. Воздух жаром забивал легкие. В боку жгло, в горле давно саднило горечью, но о передышке не могло быть и речи. Позади паровозным гулом трубил рой голосов, отдавая в висках низким колокольным звоном.

Валька ненавидел лагерь. Столовку с рядками выстроившихся перед ней рукомоёйников. Спортплощадку, где пацаны из разных отрядов гоняли мяч, а девчонки мартышками крутились на паутинке. Плац с трибуной, клуб, гипсовых пионеров вдоль центральной аллеи. Вожатых, вечно витающих в облаках юности, физрука с его снисходительным взглядом и поварих в засаленных халатах с закатанными рукавами. Ненавидел себя за трусость и малодушие. И вчерашних приятелей, в которых жажда расправы вдруг вытравила все человеческое, ненавидел тоже. Но больше всего он ненавидел Кота. Умного, правильного, справедливого. Только Валька знал, что под личиной образцового пионера, председателя совета отряда скрывается самый обыкновенный мальчишка со своими страстями и страхами.

Внезапно лес расступился, и Валька вывалился на залитую солнцем проплешину в кудрявых зарослях багульника. По центру возвышался гладкий, будто нарочно кем-то отшлифованный, плоский валун, поросший белым и зеленым лишайником. От неожиданности Валька замер, жадно хва-

тая ртом воздух. И время замерло вместе с ним. Все смолкло. Потянуло дурманом и сладковатой гнилью.

А потом за спиной хрустнула ветка, и Валька понял, что совершил непростительную оплошность. Слишком поздно. Его окатило волной нахлынувших звуков. Из-за кустов с улюлюканьем и хриплым, задыхающимся смехом высыпали мальчишки. Валька потерянно заозирался, попятился, споткнулся и рухнул навзничь.

– Ну че, добежался?

Широкоплечий не по возрасту, короткостриженный пацан склонился над Валькой и растянул губы в щербатой улыбке. Рядом нарисовались еще трое.

В уголках глаз дрогнули слезы, и Валька до боли закусил губу – не хватало еще разреветься. Пальцы впились в сухой вереск. Щербатый присел рядом и прошипел, сощурившись:

– Что, урод, думал, мы не узнаем?

– На своих стучать, гнида! – выкрикнул самый длинный в компании и, пританцовывая, скрылся в кустах.

– Да крыса он!

– Я не...

Невысокий сбитый крепыш, с которым Валька еще вчера делился хлебом перед отбоем, гаденько хихикнул и ткнул его носком кеда в бок.

– Че, зассал?

– Ребзь, да он сейчас в штанишки надедает!

Самый мелкий и неприглядный мальчишка, совсем не по-

хожий на хулигана, гогоча картинно зажал нос:

– Фу-у-у, пацаны, валим!

Щербатый медленно поднялся, по-хозяйски оправил шорты и деланно равнодушно повел плечами:

– А, че, народ? Может, отпустим его, а? Пусть чешет домой – к мамке под бок.

И, дождавшись, пока утихнет смех, добавил с издевкой:

– Ой, забыл... У тебя же нет дома... И мамки тоже нет.

В один момент ненависть взбурлила в Валькином сознании. Вытравила страх, жалость к себе самому, приглушила душившие до того внутренние инстинкты. Он вскочил и с невесть откуда взявшейся прытью бросился на обидчика. Что-то тяжелое ударило в нос, мир качнулся и поплыл. Однако, упасть ему не дали, подхватили под руки и, хихикая, потащили к центру поляны. Валька отчаянно засучил ногами по земле в попытке вырваться. Во рту посолонело, губы увязли в чем-то горячем и липком. Из кустов на поляну вывалился длинный. Его белобрысая макушка плясала на фоне синего неба.

– Что за шухер? – с интересом и удивлением он разглядывал развернувшееся действие. Потом сплюнул и, задрвав верху вытянутые руки, проорал: – Зыба, чего нашел!

Вальку швырнули спиной на что-то гладкое и прохладное. И он увидел, как блестит в солнечных лучах в тонких костлявых пальцах длинномордый череп.

– Это чей? – робко отступил назад мелкий. – Волчий?

– Да ты дятел! – хохотнул длинный, погребая к своим. – Лошадиный, по ходу.

– Сам ты дятел, – авторитетно фыркнул щербатый, выхватив череп и рассматривая его со всех сторон. – Откуда тут лошадь?

– Заблудилась? – длинный задумчиво почесал затылок.

– Ага, – заржал крепыш, – заблудилась и сдохла!

Улучив момент, Валька попытался подняться. Но щербатый оказался расторопнее.

– Куда?! – грязная кроссовка впечаталась в Валькину грудь, и тот, нелепо взмахнув руками, рухнул обратно. Затылок гулко ударился о замшелую каменную поверхность. В глазах заплясали искры.

– Мы еще не закончили!

Пробежав взглядом по траве, щербатый подхватил увесистую палку и под одобрительный гомон насадил на нее череп. Рука взметнулась кверху, демонстрируя трофей.

– Сейчас мы будем проводить обряд очищения крысы!

Валька безвольным тюком пялился в синее небо. Струйки теплой крови катились вдоль подбородка, и неспешно, точно в замедленной съемке, падали на каменную поверхность жирные маслянистые капли. Бесновались, вкусившие сладость страха и беспомощности, мальчишки.

Время замедлилось, будто погрязло в чем-то вязком и приторном. Почему-то Вальке вспомнился кисель. Тот, что давали в детском доме на третье вместо компота или сока.

Вместо фруктов в него обычно добавляли молока или ванили. Или ничего не добавляли. Именно этой полупрозрачной тягучей взвесью заполнилось все вокруг, поглотив и время, и звуки, и само Валькино сознание. Только бездонные впадины глаз мертвого животного чернели над ним в белесом мареве. И Валька проваливался в них, точно в бездну. Проваливался. Проваливался...

– А ну, прекратили! Живо!

Пелена морока дрогнула, комариный писк пробился над ухом, и Вальку выкинуло в реальность. Взметнулся кверху и ухнул куда-то вниз насаженный на корягу череп. Его обидчики, еще пару минут назад упивавшиеся властью, бросились врассыпную. Топот быстрых удаляющихся шагов сменился треском ломающихся веток и потонул в ожившем многоголосье северного леса.

Валька медленно приподнялся на локтях. Голова шла кругом, в носу невыносимо саднило, каждый вдох отдавался болью в затылке. Глаза обжигало солнцем, а мелкие песчинки белого шума расплывались пятнами. Он сощурился, пытаясь поймать в фокусе картинку, и наконец разглядел тех, кому обязан был своим спасением. Молодая женщина в цветочном платье с рукавами-фонариками стояла, оперевшись рукой о бугристый сосновый ствол. Светлые пряди выбивались из-под тугой косы, уложенной вокруг головы, щеки покраснелись, в глазах метались искры негодования и жалости. Рядом, такой же запыханный и покрасневшийся переводил

дух ладный жилистый паренек лет двенадцати. Открытое ясное лицо его не портили ни всклокоченные от быстрого бега выжженные волосы, ни веснушки россыпью обсыпавшие щеки и лоб. Светлые серые глаза глядели прямо, с сочувствием.

Только Валька больше им не верил.

В следующее мгновение мальчишка оказался у камня, и раскрытая загорелая пятерня потянулась навстречу. Да так и осталась висеть в воздухе. Валька брезгливо поморщился, мазнув по спасителю ненавидящим взглядом.

– Да пошли вы все... – хрипло выплюнул он вместе с кровью.

И нестройной, пошатывающейся походкой поплелся прочь.

День первый. Часть 1

29 октября 2023 год

«Тихейко» – красовалась надпись на некогда белом металлическом щите с ржавыми подтеками. «Пф-ф... – досадливо фыркнул Родион. Прокатил на кончике языка чудное название, – Тихейко-телогрейко, блин».

И кто только придумывает эти дурацкие топонимы.

Будто проверяя туман на плотность, по разбитому грейдеру медленно полз серебристый седан. Родион безучастно пя-

лился в окно, откинувшись на спинку пассажирского кресла. Там, сквозь отражение хмурого подросткового лица проплывали над землей, окутанные в сизую дымку, бревенчатые срубы домов. Черными крестами по обочинам высились опоры ЛЭП. Мир вокруг погрузился в монохром. И только яркие гроздья рябины вспыхивали тут и там кровавыми кляксами.

Мать что-то говорила, постукивая длинными пальцами по кожаной оплетке руля, и Родион, нехотя, вытащил вкладыш наушника. Мельком скосившись на пассажирское сиденье, женщина закатила глаза.

– Мог бы хотя бы сделать вид, что тебе интересно.

– Интересно – что? – левая бровь скептически дернулась вверх. – Как выжить в этой дыре, питаюсь сфагнумом и жопками муравьев?

– Прибереги свои упаднические настроения для Питера, там они более уместны.

– Угу. А еще там уместны люди моего возраста, пицца с доставкой, интернет... – Родион сглотнул и добавил с досадой мотнув головой, – а не этот бесконечный «Сайлент Хилл» на минималках.

Седан тряхнуло на очередной колдобине. Размытое материно «mmm...» оборвалось на полуноте.

– Вот значит, как... – она замолкла на секунду, объезжая новое препятствие, – А тебе не приходит в голову, что этот, как ты выразился, «Сайлент Хилл» – вклад и в твое будущее?

К лицу прилил жар, и Родион не сразу заметил, как кончики пальцев тронула мелкая дрожь.

– Ничего не дается в этой жизни просто так, Родя, – холодно процедила мать, – Каждый твой вдох имеет цену. Как впрочем, и интернет, и пицца, и право на депрессию в элитной квартире на Петроградке. Ты уже взрослый мальчик, чтобы это понимать. И пока я оплачиваю все твои подростковые прихоти, будь добр, уважать мои правила, – и, не отводя взгляд от дороги, добила контрольным: – И следи за языком.

Сухой ком невысказанных слов обжег горло.

– Останови, – резко обернувшись, так, что зачесанная назад непослушная челка, скользнула на лоб, процедил Родион.

Он терпеть не мог, когда вот так запросто окунали в действительность. Особенно, когда это делали с тем издевательским изяществом, с каким делала его мать. И догадывался, что и сейчас, под маской напускного равнодушия, разливается торжествующая самодовольная улыбка.

– Перестань паясничать.

Родион оттянул ворот толстовки, будто тот мешал дышать, сдавливая горло.

– Останови, я сказал!

Вместо ответа раздался сухой щелчок центрального замка. По салону разлилась напряженная тишина. Терпкий запах отдушки забился в легкие.

Родион раздражённо дернул плечом и уперся взглядом в стекло, где в зеркале заднего вида осторожно пробиралась за ними след-в-след, потрепанная Тойота, и не сразу заметил массивный хвойный бок, выхваченный из свинцовой мглы холодным ксеноном фар.

Машину качнуло, она ощутимо клюнула носом, и Родиона бросило вперед. Шины с коротким скрежетом проехали по мокрому щебню, и все замерло.

Впереди, в нескольких метрах от капота, уткнувшись вер-хушкой в густой кустарник на обочине, лежала массивная поваленная ель.

Это была уже третья сигарета, выкуренная за последние полчаса, что, однако, ничуть не смущало Марго. Единственный якорь, удерживающий ее от вредной привычки, вероятно, уже достиг окраины поселка. Она выудила из кармана кашемирового пальто дорогой, но неброский аппарат, небрежно смахнула блокировку, но, подумав, убрала обратно. Нет, звонить ему она не будет. Слишком много чести для зарвавшегося сорванца. Да и связь за пределами Лахденпохьи оставляла желать лучшего.

Марго поморщилась, проходя вдоль ствола векового дерева, ошетилившегося тяжелой хвоей.

Невысокая, эффектная, она казалась инородным элементом на фоне этого невзрачного пейзажа. Прохладный северный типаж: идеально уложенные крупные локоны, едва при-

крывающие затылок, минимум макияжа и полное отсутствие пластики лишь подчеркивали природную безупречность.

– Лет девяносто, не меньше! – со стороны сруба семенил Ефим Эдуардович в своем бессменном кожаном френче не первой свежести, впрочем, как и сам глава поселка, и клетчатом куцем шарфе. – Сердцевина – в труху! – он обреченно махнул рукой. – Как же оно не вовремя. Вы уж простите, великодушно...

Марго смерила его ледяным взглядом.

– Вы серьезно думаете, что я поверю, будто оно само сюда упало?

Голова замялся, переступая с ноги на ногу.

– Так гнилое все... ветром могло...

Заметив погасшую сигарету в изящных пальцах женщины, Ефим Эдуардович щелкнул зажигалкой, заискивающе протягивая вперед прикрытый мозолистой ладонью огонек. Но та лишь бросила брезгливо:

– Ветром... – и выбросила тонкий окурочок в темную сырую хвою.

Из припаркованного аккуратно позади машины главы минивэна, зябко кутаясь в поднятые ворота, выбрались трое.

– У-у-у, – протянул на подходе бородатый хлыщ в строгом дафлоте, – приехали.

Марго закатила глаза, Ефим Эдуардович, явно выбитый из колеи всей этой ситуацией, судорожно пытался до кого-то дозвониться.

– Ну... тут, как бы на полдня затык, – выдохнул облачко колючего пара бородастый.

– Тут как бы до объекта пешком дойти, – Марго поправила кашемировое пальто, не удостоив собеседника взглядом.

– Маргарита Аркадьевна, мы так не договаривались, – «лучший питерский проектировщик» совершенно не горел желанием месить карельскую грязь на пару с фанатичной заказчицей. – У нас прецизионное оборудование! Вы предлагаете это всё в руках тащить? Да вы гляньте, что вокруг твориться – калибровка в два счёта собьётся. Конденсат пойдет на открытых излучателях...

Марго мысленно уже послала бородача к черту и, оборвав его на полуслове, отчеканила:

– Трактор будет насколько можно скоро. Ефим Эдуардович, я права?

Глава, в очередной раз встряхнувший бесполезный телефон, растерянно вздрогнул и закивал китайским болванчиком.

– Однако, задерживать вас более я не намерена. Сегодняшний выезд будет оплачен в полном объеме. Как только все, – сделав акцент на слове «все», Марго одарила Ефима Эдуардовича таким взглядом, что тот поспешил отвернуться, прижав трубку к раскрасневшемуся уху, – препятствия будут устранены, я с вами свяжусь, – и она пренебрежительно улыбнулась уголками губ, давая понять, что разговор окончен.

Родион шел по обочине, намеренно забирая глубже в ельник. Мать, конечно, не бросится за ним вдогонку, не отправит следом вьющегося подле нее Ефима Эдуардовича. Даже звонить не станет. Не в ее правилах. Однако отчего-то среди осязаемых, пахнущих старым железом елок, было куда уютнее, нежели в вязком киселе тумана, превратившим дорогу в белую бесконечную пустоту.

Лес, до того служивший лишь мрачной декорацией по другую сторону автомобильного окна, теперь выглядел иначе. Сделался объемным, плотным, настораживающе тихим. Словно живой, он прислушивался к каждому шагу, цеплял за куртку кривыми пальцами кустарников и пялился в прорехи хвойного полотнища уродливыми глазками берез.

На секунду показалось, будто что-то юркое и плотное прошмыгнуло во мгле и скрылось в зарослях по другую сторону грунтовки.

Родион сделал музыку громче и ускорил шаг.

До поселка оставалось около километра. Размытые контуры треугольных крыш уже виднелись вдали, за пустырем, указывая направление. Солнце висело низко, едва отсвечивая за серым маревом облаков. Холодное и бледное. Со стороны домов маняще тянуло дымом.

Родион никак не мог понять, что нашла мать в этом забытом богом месте. И ведь уцепилась, как одержимая. «Удачный стартап», «перспективное вложение». Фанатичка, не

иначе. И как он раньше этого в ней не замечал? Или замечал?

Отец вот точно замечал. Так и сказал перед уходом. Не захотел быть «частью очередного бизнес-плана». А Родион... Родиона никто не спрашивал.

Этот дар достался ему от отца. Родион никогда не считал умение рисовать чем-то особенным. Скорее блажью, чем навыком, который стоит прокачивать. Мать придерживалась того же мнения, а отец редко находил в себе силы для споров.

Но когда родители развелись, в душе Родиона будто что-то надломилось. Не находившие выхода обида и злость день за днем выжигали в сердце пустоту. Именно тогда рисование из праздной прихоти превратилось в связующую нить с тем временем, когда их семья еще могла считаться полноценной.

Он уже почти пересек пустырь, когда мимо, обдавая запахом бензина, пронесся знакомый минивэн. Погруженный в собственные мысли под гитарные рифы поп-панка, Родион неуклюже отшатнулся в сторону.

Питерские номера коротко блеснули впереди и тут же исчезли в самом мареве. Родион снова остался один.

Сеть ловила из рук вон плохо. С горем пополам все же удалось пробить расписание районной автостанции. Получалось, что до ближайшего автобуса в сторону Лахденпохьи, где они снимали шале на берегу Ладоги, оставалось чуть меньше четырех часов. Родион вздохнул и свернул к берегу.

Метров через триста земля обрывалась песчано-камени-

стым уступом. Внизу по воде холодными хлопьями тянулся вездесущий туман. Он напелзал на узкую полосу пляжа с серыми валунами, похожими на спины спящих китов и перевернутыми вверх днищем лодками. Дышалось легко и свободно. Родион замер над озером, замороженный его суровой красотой, и открыл блокнот. И даже не заметил, как погрузился в работу.

Рывок за плечо заставил его вздрогнуть. Карандаш процертил по бумаге уродливую борозду, перерезая зыбкую линию горизонта. Родион шумно выдохнул и обернулся.

– Глухой что ли?! – прочитал по губам еще до того, как вытянул наушник.

Перед ним стояла девочка лет пятнадцати, не старше. Худая, неопрятная, в заломленной на затылок синей бейсболке, из-под которой выбивались всклокоченные перья светлых волос. Выцветшая болоньевая курточка была расстегнута, грудная клетка ходила ходуном, лицо заливал лихорадочный румянец.

Он уже открыл было рот, чтобы отпустить очередную колкость. Но серые блестящие от слез глаза, до того огромные на вытянутом девчоночьем лице, заставили его передумать. В дрожащей глубине зрачков читались отчаяние и страх.

Порция заготовленного сарказма застряла в горле, лишь взметнувшаяся кверху бровь, выгнутая по привычке в немом вопросе, выдавала толику снобизма.

– Ты кто? Давно здесь? Девочку не видел? – засыпала во-

просами незнакомка, озираясь по сторонам резкими, дергаными движениями, – Маленькую. Лет семь. Шапка такая пестрая. Ну? С ушками. Кисточки на концах.

– Кого? – Родион потянул бегунок молнии вниз и убрал блокнот во внутренний карман куртки. Достал телефон и включил плеер.

Лицо девчонки исказилось. Она шумно вдохнула, сжала ладони и тут же уронила руки, словно поняв, что теряет время.

– Да боже... что ж такое...

Но, переведя дыхание, собралась, метнула полный надежды взгляд на айфон и спросила, уже жестче:

– Дашь позвонить?! Очень нужно! Ну?

Родион замешкался всего на секунду – отмахнуться от чужой беды не хватило духу, и он протянул телефон.

Не прошло и четверти часа, как рядом с ними остановился горбатый «УАЗ», серый под стать пейзажу, с синими полосками по бокам. А чуть поодаль высокий широкоплечий полицейский в гражданке уже о чем-то беседовал с дерганной девчонкой, изредка посматривая в сторону Родиона. Из домов на улицу, будто почуяв неладное или попросту поддавшись любопытству, начали медленно выгребать местные.

Родион поежился под чужими неприветливыми взглядами, подышал на побелевшие от промозглой сырости пальцы. Вот только полиции ему и не хватало. И эта ненормальная...

хотя б предупредила, кому звонить собралась. Он раздосадовано поиграл желваками, сплюнул и отвернулся к лесу. Позади нарастающим роем гудели голоса. Ладонь скользнула в карман в поисках наушников, когда рядом послышались тяжелые расхлябистые шаги.

– Капитан полиции Сорока Константин Романович. Старший участковый уполномоченный.

Крутанувшись на пятках в расквашенной сельской грязи, Родион едва не напоролся на протянутую жилистую руку.

– Родион, – без энтузиазма принял рукопожатие, горячее, крепкое. Длившееся немного больше, чем должно было быть. И все это время участковый всматривался в него серыми глубоко посаженными глазами с белками в красных прожилках и молчал. Словно сканировал своим невыспавшимся, насквозь прожигаящим взглядом. Задержался на бледном лице с резкими скулами, на выбившейся из-под капюшона челке, скользнул по угловатой фигуре, точно фоторобот составлял. Родиону даже думать перехотелось, будто бы и в голову ему этот Сорока может заглянуть. – Зарецкий.

– Можно тебя на пару слов?

Участковый, наконец, отпустил его руку, и Родион тут же сунул ее в карман, дернув плечом:

– Валяйте.

– Майка сказала, на берегу тебя встретила?

Родион кивнул. Челка навязчиво лезла в глаза, и он попытался сдуть ее в сторону:

– Тут такое дело... – Константин Романович потер переносицу и на автомате дернул руку к козырьку фуражки, но голова оказалась пуста. – Девочка у нас пропала. Маленькая, – он кивнул в сторону Майки, – ее вон сеструха. Да ты в курсе уже поди... Давно тут ошиваешься? Не видел чего?

Родион помотал головой, сдвинув брови.

– Да нет вроде. Если только...

В голове точно колокол ухнул, кинуло в жар и тут же окатило холодом догадки.

– Что? – поторопил в нетерпении полицейский.

– Да машина...

Хотел добавить, что это только мысль и никакой связи он не видит связи и что вообще это глупо, но Константин Романович не дал ему развить мысль.

– Давно? Марка, номер?

– Минут сорок наверно. «Рено», серый, номера питерские. Цифры не помню.

Как-то незаметно в руке участкового оказался телефон-кирпич с затертыми кнопками, а в следующую секунду Сорока, жестом показав Родиону помолчать, уже прижимал аппарат к уху.

– Здоров, Коляныч. Узнал? Ну а то ж. У тебя кто сегодня на сто двадцать первой после двести пятнадцатого? Ага. Не в службу, а в дружбу, скажи бойцам, пусть серое «Рено» отрабатывают. Номера питерские. Ага, в сторону Ленинграда... Да какие счета, окстись... Тут дело такое... девочка у нас про-

пала... Да погоди ты орать... может, и не связано. Сам знаю, не кипятись! Выручишь? Спасибо, Вить... С меня намазка. Как какая? Которая на хлеб. Ладно, бывай.

Загорелое лицо Константина Романовича посмурнело, на долю секунды взгляд его замер на чернеющей щетине ельника. Желваки напряглись, на виске вздулась и пульсировала вена.

– Так ты значит сын Маргариты Аркадьевны? - вынырнул из мимолетного раздумья полицейский и по-новой осмотрел Родиона. – А мать твоя где?

– Да там. – Родион лениво кивнул на лес. С этим вашим... – он скривился, вспоминая ФИО головы.

– С Ефимом Эдуардовичем?

– Ну да. Наверное.

В серых глазах участкового что-то дрогнуло, и Родион представил, как сквозь пепельную радужку можно разглядеть поворачивающиеся со скрипом шестеренки. Константин Романович явно хотел спросить что-то еще. Однако сейчас чужой, ошивающийся без присмотра подросток, ровно, как и его беззалаберная мамаша интересовали полицейского куда меньше исчезнувшей девочки.

– Значит, говоришь, с Ефимом Эдуардовичем... – задумчиво протянул Сорока, тыкая в кнопки на телефоне. Довольно громко, так что смог расслышать и Родион, женский голос из динамика кирпича прошелестел о нахождении абонента вне зоны доступа, – мда-а... – хмыкнул Константин Романо-

вич, завершая вызов – ...матери звонил?

Родион неуверенно мотнул головой.

– Вот же ж! – участковый закатил глаза. – Давай номер!

– Зачем?

– Номер давай! Вопросы он задает.

Но чуда не случилось, связь в лесу отрубало намертво. Константин Романович хмурился.

– Значит так, – пробасил, наконец, – до появления родительницы, находишься в зоне моей видимости. Если меня не видно – замираешь на месте. Шаг влево, шаг вправо – расстрел. Прыжок – ну, ты сам в курсе... Мне сейчас только еще одной потеряшки не хватает. Андестенд?

Дождаться ответа он не стал. За время их разговора людей на дороге заметно прибавилось, коротко выругался и двинул к собравшимся. Родион закатил глаза, но все равно поплелся следом.

Толпа все крепче сбивалась вокруг служебной машины, точно вокруг осажденной крепости.

– А ты куда смотрела, разиня? – качнул головой в их сторону древний, весь седой до бровей и ресниц, но все еще крепкий старик. Его окладистая борода и усы успели покрыться влажными бисеринками, – Эх...

Он что-то прошелестел на незнакомом языке, полушепотом, слегка растягивая гласные и поглядывая в сторону леса.

– Надо бы дворы обойти, – выкрикнул обеспокоенный голос.

– А может, к подружке какой ушла? – предложил другой.
– А, Майка? Есть такие на примете?

Майка – виновница суматохи – стояла, привалившись плечом к заляпанной грязью двери «УАЗика», исподлобья поглядывая на доброжелателей.

– Так-то не в первой уже, – недовольно проворчала круглая баба с красным одутловатым лицом, закутанная в длинный безразмерный пуховик. – В доме запирать надо было. Не баламутить людей!

– И не стыдно тебе, – качнула головой в цветастом платке сморщенная старушка, – дите пропало, а ты...

– А что я?! – взвилась краснолицая, упирая руки в бока.
– Я своих вырастила! И никто по лесам не шатался!

– Вырастила и вырастила! Ступай домой. Чего притащилась?

Слово за слово, толпа загудела, точно потревоженный пчелиный рой. Кто-то поддакивал краснолицей, другие, напротив, встали на сторону семьи пропавшей девочки. Родион закатил глаза. Он словно попал на средневековый сход – вече, или как там это называлось. Константин Романович коротко ругнулся, откашлялся, и выступил вперед, привлекая к себе внимание. И в этот момент из глубины тумана раздался глухой хлопок калитки, а следом – неровные, сбивчивые, приближающиеся шаги.

– Ю-ю-ю-ля-я-я... – хриплый высокий вой прокатился вдоль улицы, заставляя всех смолкнуть, и в наступившей на

долю секунды тишине Родион заметил, как исказилось лицо стоявшей у машины девчонки.

Шаги сбились, замерли, снова потащились вперед. Из тумана вывалился неуклюжий женский силуэт: растрепанные волосы рассыпались по плечам старенького пальто, опухшие глаза бессмысленно шарили по толпе.

Люди невольно расступились, кто-то шумно втянул воздух, кто-то отвернулся. Наконец, поймав цель в фокус, женщина, точно заправский моряк на качающейся в волнах палубе, направилась к «Уазику».

– Майка? Ты что ли? – ответа не последовало, и женщина остановилась, шурясь, точно не могла до конца рассмотреть стоящую перед ней дочь. – Сестра твоя где?

Затянувшееся молчание насторожило ее, она медленно обернулась, скользнула мутным взглядом по собравшимся. Потом подняла глаза на участкового.

– Ты?! Ты что тут делаешь? – голос ее дернулся в фальцет и снова захрипел. – Что вы все пялитесь? – женщина нелепо растопырила в стороны руки и взъерошенной уткой завертелась из стороны в сторону.

На долю секунды Родион даже испытал к ней нечто похожее на жалость.

– Юля! – выкрикнула она в толпу и замерла в ожидании ответа. Потом зло и прерывисто выдохнула, обращаясь ко всем и ни к кому одновременно:

– Где. Моя. Дочь?!

Константин Романович шумно втянул воздух, по привычке вскинул руку, словно собираясь поправить невидимую фуражку, и шагнул навстречу горе-матери.

– Татьяна, – оказавшись у нее за спиной, словно закрывая собой от чужих взглядов, он осторожно, но уверенно положил ладони ей на плечи. – Иди домой.

Родиону хорошо было видно его сосредоточенное лицо, поджатые губы и глубокую складку, залегшую между бровей. Женщина зло дернулась, скидывая чужие руки с плеч и точно обезумевшая, рванула к раскрасневшейся от стыда и холода Майке.

– Гадина! – прошипела она в отчаянной злобе. – Все ты!

– Татьяна, перестань! – Константин Романович ухватил ее под локоть.

Та резко вскинулась, выворачиваясь.

– А то что?

Но сильные пальцы полицейского держали крепко.

Майку мелко трясло. Было заметно, каких усилий стоило ей не сорваться в ответ.

И на фоне всего произошедшего как-то неслышно и незаметно из толпы вынырнула сухонькая старушка. Несмотря на почтенный возраст, в опрятном старомодном пальто она держалась прямо и уверенно. Нежная пуховая шаль, под которой на затылке угадывался пучок, капором укутывала голову. Весь вид этой пожилой особы излучал достоинство и неторопливую грацию.

Она плавно приблизилась к Татьяне, не обращая никакого внимания на шепотки за спиной, заглянула ей в лицо, взяла под руку и мягко погладила бледную, с синеватыми тонкими пальцами ладонь.

– Пойдем, Танюш, – тихо, но настойчиво проговорила она.
– Пойдем. Тут и без нас справятся – смотри, сколько народу. Не надо нам здесь.

Татьяна как-то сразу стихла, обмякла и пробормотала неуверенно:

– Как же...

Но старушка, казалось, ее не слышала, упрямо продолжая тянуть за собой.

– То Юля придет, а дома никого.

Перед тем как нырнуть со своей спутницей в толпу, пожилая дама обернулась, кивнула участковому и ободряюще улыбнулась Майке. На Родионе взгляд ее задержался и вдруг помрачнел – стал настороженным, тревожным, будто она что-то вспоминала... или уже вспомнила.

День первый. Часть 2

29 октября 2023 год

– Вы пытаетесь взлететь?

Ефим Эдуардович вздрогнул и едва не выронил державший в вытянутой вверх руке телефон.

– Ну нельзя же так подкрадываться! – недовольно фыркнул глава, неуклюже соскальзывая с поваленного бревна. Но тут же опомнился, – связи совсем нет.

Марго в очередной раз закатила глаза.

– Чего они добиваются? – она кивнула на подпиленный, с одной стороны, кряжистый комель.

– Кто? – деланно заозирался Ефим Эдуардович.

– Бобры ваши местные, – Марго со вздохом сделала пару снимков спиля с разных ракурсов.

– Ах вы про это Темные люди. Да-а-а.

Марго слушала с поджатыми губами и не понимала. Не могла смириться с мыслью, что в век адронного коллайдера и таниборбактама, кто-то все еще живет дремучими предрас-судками.

Ефим Эдуардович замялся, перетаптываясь с ноги на ногу.

– Дайте им время, Маргарита Аркадьевна, – наконец, елеино замурлыкал он, – даже тут, в глухом лесу, за сотни километров от больших городов нужны рабочие места, ста-бильный доход, хорошая медицина. Все хотят жить лучше. Просто не все хотят это понять.

– Надо же, – улыбка слегка коснулась ее губ. На этот раз – искренняя. – Да вы философ, Ефим Эдуардович.

И довольный собою глава позволил себе очередную дер-зость – протянул Марго руку:

– Поедемте, Маргарита Аркадьевна, нужно что-то решать с бревном.

Та прыснула, прикрывая ладонью рот, и отшатнулась, тут же возвращая себе былую сдержанность.

– Решать будете вы, Ефим Эдуардович, – Марго подняла

воротник и направилась к машине. – А я прогуляюсь до объекта. Хочу удостовериться, что местные ждуны в погоне за стабильным доходом не решили обогатиться за мой счет.

Ефим Эдуардович неловко помялся на месте, но все же потащился рядом, часто оглядываясь и будто вслушиваясь в редеющую пелену тумана. Какое-то время он еще пытался уговорить Марго вернуться, уверяя, что местные в лагерь по своей нужде не сунутся, а уж воровать оттуда и вовсе убоятся, но та оставалась непреклонна.

Вскоре перед ними открылась небольшая площадка, поросшая голым ивняком и бурым вереском, и сквозь белесую дымку выступили высокие парадные ворота. Протяжно простонали на ржавых петлях створы, качнувшись под невидимым порывом ветра, словно приветствуя неожиданных гостей. Ефим Эдуардович заметно вздрогнул и завертел головой.

– Прекращайте дергаться, – тут же осадил его Марго, пожившись: пальцы скользнули по сырому металлу кодового замка и быстро прокрутили колесико шифра. – Или местное мракобесие заразительно? Поезжайте лучше в поселок. Займитесь бревном.

Ефим Эдуардович обернулся на долю секунды, будто раздумывая над ее словами, но тут же оскорбленно выпрямился и даже попытался изобразить подобие решимости на круглом лоснящемся лице.

– Да как же я вас одну оставлю, Маргарита Аркадьевна? – и он поспешно нырнул в калитку следом за спутницей. –

Нет уж увольте! Я ведь здесь каждую тропочку знаю, каждый камушек.

Пару месяцев назад из лагеря сбежал последний и единственный сторож, нанятый Марго в райцентре – местные, все как один, наотрез отказывались сотрудничать с приезжей предпринимательницей. Что заставило взрослого и не совсем спившегося мужика в одночасье сорваться с места, побросав собственные пожитки и вверенное ему имущество, Марго интересовало не то чтобы сильно. Куда больше ее тревожило, что из-за бесконечных проверок, инициированных тайными недоброжелателями, долгожданное подписание договора аренды на землю раз за разом откладывается, и проект встал на паузу. Увяз, как и все здесь, в зыбком карельском тумане.

Под стать невеселым мыслям, просыпался в новый день старый лагерь.

Вдоль центральной аллеи, выложенной потемневшей от времени бетонной плиткой, изъеденной мхом, тянулись облезлые информационные щиты. Тут же застыли в вечном салюте гипсовые пионеры с обнажившимися на месте рассыпавшихся рук и ног ржавыми стальными прутьями. Деревья, укутанные туманом, царапали низкие седые облака. Все явственнее проступали контуры спальных корпусов. Некогда веселые и яркие, пустыми глазницами окон они наблюдали за тем, как медленно и непреклонно лес переваривал остан-

ки великой эпохи.

Присутствие рядом Ефима Эдуардовича несколько тяготило Марго. Она напрасно ожидала, что тот вызовется обойти периметр, пока она будет заниматься своими делами – глава поселения послушным хвостом плелся следом. Впрочем, сейчас, вдали от цивилизации, в вязкой тишине среди сомкнувшихся плотным кольцом елей, Марго была рада даже такой компании, прощая Ефиму Эдуардовичу его робость и навязчивость.

– Слышите? – он замер, подняв указательный палец вверх.

Из тумана донесся короткий, глухой треск, лес ответил сдавленным шорохом, и уже совсем рядом жалобно звякнул ржавый лист на козырьке столовой, качнувшийся от слабого порыва ветра.

– Что? – недовольно бросила Марго, не замедляя шага.

Чуть в стороне от аллеи, за редкой полосой кустарника, угадывался приземистый домик лагерной администрации – неприметный, с облупившейся краской и небольшой застекленной верандой. Именно он с самого начала и был выбран в качестве штаба, склада и сторожки. Почти сразу же туда завезли генератор, плиту с газовым баллоном, кое-какую утварь и инструмент – все, что позволяло худо-бедно обустроиться на месте.

– Вы что, правда не слышите? – Ефим Эдуардович забежал вперед, жестом призывая к тишине.

И Марго слышала. Сквозь минутное напряженное затишье прорезался протяжный едва уловимый скрип. Странный и совсем не уместный. По спине россыпью пробежали мурашки. Тряхнув головой, Марго прогнала мимолетное ощущение и порывисто поправила узел на шелковом шейном платке под пальто.

– Я вас умоляю! Да мало ли что может скрипеть на пяти гектарах заброшки?

Она уже было ступила на крыльцо сторожки, когда звук повторился снова. Тягучий, размеренный, он расплзлся в сырой мгле, теряя направление. Будто кто-то раз за разом открывал и закрывал дверь на проржавелых петлях. Марго повела головой в попытке определить, откуда он исходит, и наткнулась на побледневшее, поддетое тревогой, лицо Ефима Эдуардовича. Раздражение в один миг вытеснило поднимающееся чувство беспокойства.

– Детский сад, – процедила она сквозь зубы, и, отодвигая главу в сторону, уверенной походкой направилась в обход домика.

Интуиция и исключительный, сродни музыкальному, слух уводили все глубже, к самому сердцу старого лагеря. Там, позади заколоченного клуба, между покосившихся беседок, раскинулась игровая площадка, нелепый островок былого веселья.

Туман уже не стоял монолитной стеной, а распадался на клочья, обнажая облезлые скелеты турников и рукоходов.

Вывороченная карусель выросла в бурый мох, точно накренившийся корабль.

Звук исходил от качелей. Изъеденная пятнами ржавчины конструкция стояла чуть в стороне. Одно из сидений пустовало. На втором, слегка склонив на бок голову, сидел ребенок. Со спины трудно было определить, мальчик это или девочка. Пестрая полосатая шапочка, голубая куртка. Мыском желтого резинового сапога малыш отталкивался от земли, медленно раскачиваясь.

Скрии-и пав скрии-и пав

За плечом шумно сглотнул Ефим Эдуардович, о котором Марго уже успела позабыть. Неожиданно резво он шагнул вперед, откашлялся, как бы прочищая горло.

Ребенок не обернулся.

– Юля?

УАЗ назойливо тарахтел на холостых. От работающей печки тянуло жаром. Зарывшись в капюшон толстовки, Родион уткнулся в скрещенные на передней панели руки.

Вынужденный коротать время в компании едва знакомых людей, он пытался абстрагироваться от накатывающей паники. Та уже повисла в воздухе стылой марью. Ненавистный, опостылевший «Лексус» матери казался теперь уютным и желанным. Родион погнал эти мысли прочь.

Мимолетное сочувствие к чужому горю сменилось досадой.

На заднем сидении всхлипывала и причитала Майка. Она то рвалась наружу на поиски сестры, то смолкала под напором ровного уверенного голоса Никиты, сына Константина Романовича. Такого же рыжеволосого, как и его отец, широкоплечего, ладного. Россыпь блеклых веснушек, пепельно-серые внимательные глаза под светлыми, почти незаметными ресницами и правильные до приторности черты лица невольно располагали к себе. Но все же было в нем что-то такое, что настораживало, заставляло первым отвести взгляд.

Раз за разом он набирал номера Юлькиных подруг и четко, по-взрослому задавал вопросы. Не забывая успокаивать перешедшую на редкие поскуливания Майку.

В кармане куртки завибрировал смартфон, и Родион вскинул голову, щурясь от дневного света, зевнул и взглянул на экран.

На экране красовалось лаконичное «Pater». Фото у контакта не было.

Родион подумал, и все же свайпнул до иконки принятия вызова, и тишина взорвалась ворохом помех.

– Сают, путвен! – бодрый голос отца накрыло волной белого шума.

– Угу, – досадливо хрюкнул в ответ Родион.

– Мать ак? Устрьсь уже? Как подка? у нас жди зарядили

Родион мысленно закатил глаза и снова зевнул. Отец говорил так буднично и просто, словно и не уходил никуда пару месяцев назад, гордо хлопнув за собой дверь. Зачем зво-

нит? Соскучился по сыну? Извелся любопытством, как тот поживает под контролем фанатичной мамыши?

– Ышь, Родька! По Маелю пройдуся! А то и по арижу! Так что апка твой ещого! – слова сорвались в механический гул, Зарецкого-старшего накрыло очередным приступом непризнанной гениальности.

Папаша года, блин.

А потом все стихло. Родион уже собирался скинуть вызов, когда в динамике раздался сухой треск и совершенно чужой, искаженный помехами далекий голос проскрежетал:

– Родь, у ме ут подросток – и окончательно превратился в цифровое крошево.

Родион вздрогнул и брезгливо скривившись, уставился на пустую шкалу сети. Подарок Сейчас ему было бы достаточно одного-единственного билета в цивилизацию.

Дверь грохотнула прежде, чем в лобовом стекле показался приближающийся из леса кортеж. Взгляд уперся в серый «Лексус» матери и пеструю детскую шапочку в боковом окне.

Майка, в долю секунды оказавшаяся около машины, замерла в нерешительности, цаплей подогнув одну ногу.

Марго, бесстрастная и уверенная, как всегда, выплыла неторопливо, окинула взглядом по-новой собирающуюся толпу, придирчиво мазнула по девчонке и только потом неспешно отворила пассажирскую дверь. Маленькая, в пере-

кошенной на узких плечах, ношеной куртке, и в крохотных, точно кукольных, ярких резиновых сапогах, наружу выбралась девчушка. Она улыбнулась Марго, и застыла, со страхом и растерянностью глядя то на Майку, то на обступивших кругом людей. Нежно-рыжие волнистые завитки волос выбивались из-под вязаной полосатой шапки с косичками-кисточками на концах. Серо-голубые огромные, как и у сестры, глаза прятались под белесыми ресницами, когда девочка испуганно и часто моргала. На светлой, почти фарфоровой коже, по раскрасневшимся щекам брызгами пестрели веснушки.

Родион не видел лица Майки, но от того, как та, наконец, бросилась к девочке, схватила в охапку, нервно гладила по сбившейся на затылок шапке, отстранялась и снова прижимала к себе, ему сделалось неловко. Будто бы он вторгся в слишком личное – в то, что не предназначалось для посторонних глаз.

– Ну, посмотрите! Полюбуйтесь! – дребезжащий голос поселкового главы разорвал тишину, и из-за спины Марго, появился сам Ефим Эдуардович, сияя, как начищенный самовар.

Родиона не то, чтобы раздражал, но довольно утомлял этот неказистый круглый человечек в клетчатом шарфе. Его натужные попытки выслужиться перед матерью, не уронив при этом лицо в присутствии односельчан, вызывали скорее

чувство неловкого стыда, чем откровенная неприязнь.

– Девчонка наша и потеряться-то как следует не успела, а ее уже нашли. В целости и сохранности! Какова женщина, а? Маргарита Аркадьевна! Золотой человек! – маленькие глазки главы лихорадочно бегали по лицам собравшихся, словно выискивая одобрение. – Нашла пропажу! И заметьте, даже велосипеда не требует!

Он хохотнул собственной шутке, но, не встретив ответных улыбок, тут же сделался серьезным и брезгливо поморщился:

– А Татьяна где? – замотал круглой головой, точно филин, – Опять за девкой не уследила! Давно пора сообщить, куда следует! Развели бардак.

Майка вздрогнула, выпрямилась и посмотрела на говорившего так, будто собиралась прожечь взглядом дыру где-то в районе лоснящегося рыхлого носа в крупных порах. Ну или, на худой конец, наслать порчу. Или сглаз. Или что там в деревнях принято насылать?

Но Ефим Эдуардович не рассыпался в пепел. Так и светился солнышком. Казалось, произошедшее, его даже обрадовало. Еще бы – очередной повод напомнить, какое счастье свалилось на их поселок в лице питерской благотельницы.

– Маргарита Аркадьевна со всей душой к вам, с добром! А вы? – по-учительски поддав подбородком вперед, глава укоризненно пробежался по лицам собравшихся. – Праздник какой готовит! Для вас старается. Сколько живу, не бы-

ло у нас такого!

В памяти Родиона ярким всполохом мелькнула стопка афиш, распечатанных в питерской типографии, жуткая высокая антропоморфная фигура по центру, обряженная в шкуру с рогатой маской вместо морды. И пустые черные глазницы. И как он проваливался в них, точно в трясину. Проваливался, проваливался

Он вскинул голову, отряхиваясь от воспоминаний.

Толпа зашевелилась, со всех сторон посыпались шепотки, но различить, о чем говорили, не получалось, хоть отдельные слова и достаточно четко доносились.

– Каждый год – одно и то же, – продолжал Ефим Эдуардович, – пляски-песни-ручеек, ряпушка и конкурс поделок из говна и веток. Самим не надоело? А вечером пьянки с мордобоями! – он скосился на подошедшего участкового; тот о чем-то тихо переговаривал с Марго, поглядывая в сторону Родиона. – Ну что, не так я говорю, Константин Романович? Сколько тебя в прошлый раз из дому дергали? Да на свадьбах и то меньше сраму! Маргарита Аркадьевна и ярмарку спланировала, и для детей мастер-классы, и эти – глава запнулся, вытер кончиком шарфа взмокший лоб, – как их, господи, – фудтраки. Творческие коллективы из Лахденпохьи, из Сортавалы! Гости со всей области! И что они увидят? Грязь и хамство местного разлива? Стыдно, товарищи

Он разочарованно махнул рукой и, недобро сверкнув глазками, добавил:

– А я ведь все равно узнаю, кто эту пакость с бревном подстроил. Узнаю и накажу.

Родион забрался на заднее, сидеть рядом с матерью ему не хотелось, уж слишком самодовольной и говорящей была ее ухмылка. Даже сейчас, в зеркале над лобовым стеклом, в ее идеальном холодном отражении явственно читалось: «Набегался?»

Он обернулся, следом за ними ехал автомобиль главы, за ним тарахтел «УАЗик» участкового. Люди медленно разгребались по своим делам. По обочине, держась за руки, брели две уменьшающиеся фигурки в голубых поношенных куртках.

– Отец звонил? – поинтересовалась мать таким тоном, будто бы уже была в курсе.

Родион пробурчал нечленораздельное согласие, на большее его не хватило. Разговаривать с ней сейчас он не хотел. Марго хмыкнула, поморщив нос, но настаивать не стала.

Из тумана в день поднимался старый поселок.

На подоконнике одного из домов блеснуло что-то яркое. Родион даже шею вывернул, всматриваясь. Кошка. Ярко-рыжая в черном провале окна с резными наличниками. Не медно-рыжая, лисиная. А огненно-рыжая. Точно всполох костра, отбившаяся искра. Вспыхнула и погасла за поворотом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.